

НАША СТРАНА

SEM AN A R I O

Editor-Director:
VSEVOLOD DUBROWSKY

Casilla de Correo 2847

Buenos Aires

Argentina

“NUESTRO PAIS”

Organo Monárquico Ruso

Correo
Argentino
Central B.

Registro Nacional de la Propiedad Intelect. No. 329150

TARIFA REDUCIDA
Concesión N° 3980
FRANQUEO PAGADO
Concesión N° 4233

AÑO IV

Buenos Aires, sábado, 15 de marzo de 1952

• Буэнос Айрес, суббота, 15-го марта 1952 г.

No. 113

ИВАН СОЛОНЕВИЧ

Некоторые вопросы для правых и левых

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ “НОВОГО РУССКОГО СЛОВА”

От Редакции.—

В ноябре 1951 года, в Нью-Йоркском “Новом Русском Слове” было помещено приводимое ниже письмо И. Л. Солоневича.

Редакция полагает, что после скандального провала СОНР-а и при наличии новых попыток создавать новые “центры”, основные положения этого письма представляют актуальный интерес.

*

М. Г. Г. Редактор!

Разрешите воспользоваться гостеприимством Вашей газеты, чтобы от имени правой эмиграции, — конечно не всей, — поставить левой эмиграции, — конечно тоже не всей, — некоторые вопросы, общие и для правых и для левых, принимая во внимание и тот факт, что определение “правая, левая где сторона” сейчас чрезвычайно затруднительно. Где, например, находятся солидаристы? Их хозяйственная програма левее меньшевистской, их политическая фразеология левее монархической. Как классифицировать их, не переходя в четвертое измерение?

Может быть, проект одной из американских газет: давать время от времени место для высказываний политических противников имеет свой смысл. Очень вероятно, что эти противники, рассматриваемые с более близкого расстояния, оказались бы менее противными, чем это мерещилось издали. Может быть, таким путем можно было бы установить и тот факт, что и правые и левые вместе делали революцию, вместе от нее бежали и что, может быть, им тоже вместе, хотя и на разных поездах и программах придется бежать еще раз. Ведь вот же: российская интеллигенция до 1917 года духовно питалась таким милым сказочным эпосом: был революционный Дед Мороз, нагруженный всякими пряниками, и была реакционная Баба Яга, перегруженная всякими розгами. Потом — таинственным и неисследимым образом розги оказались именно у Деда Мороза, а сам он превратился в нечто вроде Кашея — пока еще бессмертного. Сейчас основной вопрос послесоветского бытия России — это вопрос вовсе не о капитализме или социализме, республике или монархии — это вопрос о том как бы на смену диктатуре Сталина не возникла бы диктатура каких то новых Махно или Бендеров, Жилентовых или Лениных. В 1917 году российская интеллигенция как то не предусмотрела русских Робеспьеров, Пипегрю, Вандей и Наполеонов. Может быть, все это стоит предусмотреть

сейчас? В “Известиях Врем. К-та Гос. Думы” от 3 марта 1917 года П. Н. Миллюков дал свою воистину бесспорную формулировку “великой и бескровной”. Может быть, нам стоило кое-чему поучиться даже и у П. Н. Миллюкова? И не представлять себе, что если “революция просто” обошлась миллионами в сто человеческих жизней, то “национальная революция” будет на много скромнее? И что если за наследие Дома Романовых люди воевали по меньшей мере тридцать лет (Власовское движение тоже было одним из соискателей на права наследства), то наследие Сталина будет кому то передано из рук в руки, так сказать, по нотариальному акту.

Сейчас в эмиграции делаются попытки какого-то “сговора”. Давайте говорить откровенно: это не сговор, а заговор. Кто-то на чьи-то деньги, по чьим-то приказам подбирает кого-то. По самому существу, совершенно так же, как это делалось в гитлеровском Берлине, — я имел сомнительное удовольствие быть очень близким наблюдателем всей этой процедуры. Но в берлинском сговоре о заговоре участвовали люди, которые никогда никакой демократии не присягали. Сейчас сговариваются присяжные демократы. И кто то на чьи-то деньги по чьему-то приказу отделяет овец от козлиц и воздаст каждому по делам его. И делает это в том совершенно наивном предположении, что “фракционная распря”, бескровная, ибо безоружная в эмиграции, — останется такой же безоружной и бескровной в послесталинской России. И что из обломков СССР не появятся новые “вожди”, которые скажут всем нам: вы там за границами кофьи попивали, а мы тут кровь свою проливали, позвольте вам выйти вон — в подвал!

Наша “правая” общественность довольно старательно избегает всего того, что на языке “левой” общественности называется “социальным анализом”. Самый поверхностный “социальный анализ” нынешнего мира указывает на почти мировую тенденцию в сторону диктатуры — не стоит перечислять ни диктаторов, ни стран. Как то в “Современных Записках” И. Херасков объяснил эту тенденцию “деформацией быта”, — что можно было бы сформулировать и иначе: распадом всех предыдущих социальных связей. Послесоветская Россия будет страной, где распад социальных связей дойдет до степени полной атомизации страны. Нечто в роде этого случилось и во времена германской оккупации: партийный “стержень” бежал — и после него не осталось никакой иной обществен-

ной организации. На фоне этой атомизации в России останутся: двести-триста тысяч демобилизованных военнослужащих, около полумиллиона демобилизованных и деклассированных чинов МВД и прочих людей того же сорта, около миллиона “проф. и партрабетников”, трудно уловимое количество колхозной и прочей бюрократии — вероятно, миллиона два-три. Останется, кроме того, и наша красная столица, из которой в течение трети века изымалось все несоответствующее видам советского начальства и насаждалось все соответствующее. Полагает ли российская эмиграция, и правая и левая, что вся эта масса — единственная, которая сохранит кое-какие “организационные связи”, безропотно примет резолюцию фюссенского заговора или даже результаты “всенародного голосования”? Что она покорно едет свои посты и портфель, работу и хлеб? Это — люди, которые тремя десятками лет воспитывались на полном презрении к “болталогии”, к “миндальничанью”, к “дерибюкратии” и ко всему тому, что выходит за узко и четко очерченные пределы ежовских рукавиц во всем их разнообразии?

Г-н Н. Иргизов в “НРС” очень лестно отзываясь о моем “политическом опыте”. К сожалению, этот опыт несколько односторонен: это почти исключительно опыт тоталитарных режимов. Но действительно, Советскую Россию я знаю лучше, чем кто бы то ни было из старой эмиграции, и старую эмиграцию лучше, чем кто бы то ни было из новой. И я беру на себя смелость утверждать: сегодня наша эмиграция с поразительной степенью точности повторяет все те ошибки, которые привели: эмиграцию — в эмиграцию, и большевиков — ко власти. Идет мелкая беготня, с изумительной точностью повторяющая лето 1917 года с его знаменитым историческим и проч. заседанием в “Малыхитовом Зале”, где товарищ Гегечкори соглашался “спасать Россию” только на основании “четырнадцати пунктов”, разумеется еще не “пражских”. Повторяется и полное презрение к какой либо демократии со стороны каких бы то ни было демократов: ведется политика заговора, направленная к захвату власти, вне всякой зависимости от того, что хочет и чего не хочет “демос”.

Фюссенский заговор попытался исключить из числа избранных и достойных всех “монархистов реставраторов”. Само собою разумеется, что всякий монархизм в какой то степени будет “реставрацией”. Но почему по-зволительно “реставрировать” подпольный социализм и почему нельзя

В номере:

ИВАН СОЛОНЕВИЧ
НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ
ДЛЯ ПРАВЫХ И ЛЕВЫХ

Борис Башилов
МОЛЮКИ ИЛИ РУССКИЕ ЛЮДИ?
(Продолжение).

Проф. М. В. Зызыкин
ГОГОЛЬ И ЦАРСКАЯ ВЛАСТЬ
(Окончание)

Б. Ш.
ДОКУМЕНТ “ОТТУДА”

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

Lydia Nord
CARTA ABIERTA A
VYSCHINSKY

ГЛЕБ ТОМИЛИН — ДВЕ СИЛЫ

ИВАН СОЛОНЕВИЧ
НАРОДНАЯ МОНАРХИЯ
часть 3-я
КИЕВ И МОСКВА
(Продолжение)

“реставрировать” обновленную монархию? И, дальше, как с демократической точки зрения можно изымать из какого бы то ни было общего фронта ту политическую группу, которая составляет если не абсолютное, то во всяком случае относительное большинство и старой и новой эмиграции? Я никак не собираюсь злоупотреблять гостеприимством “НРС” и вести на его страницах монархическую пропаганду. Но все таки: пресловутая анкета солидаристского “Посева” дала за монархию 38% голосов, а только что в “Соцветнике” N° 640, г-н Г. Аронсон констатирует:

“Преобладающее большинство бывших участников Власовского движения оказалось вне какого бы то ни было демократического фронта, — в монархическом лагере... отчасти среди “солидаристов”.

Признания такого рода делали и другие социалисты — и Б. Двинов и Д. Далин и другие. Это — преобладающее или непреобладающее большинство существует в среде, в которой почти полностью отсутствует монархический массив России: ее крестьянство. Есть ли крестьянство “демократия” или нет? Являются ли Власовцы демократами? Или аристократами, плутократами, акулами капитализма или птенцами дворянских гнезд? Как бы ни расценивать политические зигзаги Власовцев, все таки нужно ведь сказать — что они то и есть новая эмиграция в ее массе, — и есть та новая русская демократия, которая настроена монархически. Тут, просто, ничего не поделаешь. Всю эту демократию, может быть,

и удастся обойти путем партийного заговора — на этот счет есть достаточное количество аспирантов в эмиграции и еще большее количество будет в России. Но что из всего этого выйдет?

Г-н Н. Иргизов и многие другие снова оперируют реакционной Бабой Ягой, которая несет в своем рюкзаке "дворян и помещиков". Выс. Мон. Совет от этого груза отказался категорически. Скептически настроенные люди вправе и не поверить: ВМС играет, де, на данной политической конъюнктуре. Однако, Народно-Монархическое Движение выступает против "дворян и помещиков" уже с 1937 года, и мои тогдашние статьи об этом (словословия были озаглавлены достаточно красноречиво: "Пузыри потонувшего мира"). Пузыри существуют, но ведь это абсолютно бессильные пузыри. Люди, которых история еще не успела окончательно похоронить эту ошибку истории они сами стараются наверстать — хоронят самих себя. Или то, что от них еще кое-как осталось. Я полагал бы, что перед нами стоит достаточное количество достаточно реальных опасностей, общих опасностей, чтобы еще раз пугать друг друга: и дворянским серым волком и социалистической красной шапочкой. Ни волк, ни шапочка не опасны никак. Опасна комбинация из будущего Сталина и будущего Гитлера. Эта опасность реальна и почти неизбежна. История русской "революции просто" с предельной степенью ясности указывает на тот печальный факт, что многострадальная российская интеллигенция не предвидела решительно ничего. Может быть хоть сейчас можно попытаться хоть что то предвидеть?

Российская интеллигенция продолжает жить старым сказочным фольклором и пережевывать его термины и его пугала. Правые предполагают возрождение в России старых "сицилистов", которые будут бросать бомбы. Левые — реставрацию казачьих нагаек, которые будут стегать "скубелтов". Обе стороны живут представлениями потонувшего социально-политического мира. Это только в эмиграции можно с одной стороны планировать "усадебные участки" и с другой стороны танцевать на дворянских балах. В России "усадебные участки" могут быть организованы только в результате новой и Победоносной войны с крестьянством, а дворянские балы будут возможны или под охраной дворянских танковых соединений или, по крайней мере, внесловной пожарной команды. Все это нереально, как совершенно нереально деление эмиграции на демократическую и недемократическую.

Под термином "демократия", как сейчас выяснилось, можно понимать все, что угодно, от негусизма до сталинизма. Но если под этим термином понимать "волю народа", выраженную в его свободном голосовании, то, вопреки всякому эмигрантскому фольклору, окажется, что на истинно демократических позициях стоит только одна группа эмиграции: простите — монархисты. ВМС обратился со своим призывом к единению ко всем группам эмиграции и Народно-Монархическое Движение формулировало три "уругвайских пункта" о свободном голосовании народа и о гарантиях свободы этого голосования. Что же происходит в "демократическом лагере"?

Лидер русских социалистов Р. Абрамович в своей статье в "Социстике" характеризовал партию солидаристов так: "максимальная неразбор-

чивость в средствах", "особо незуцтский маккиавелизм", "полное отсутствие политической морали", "авантюризм и безудержное бахвальство", "НТС мечтает о власти и о власти монополюной", "целью для НТС, как и для Ленина... является захват власти"... Эта характеристика совершенно точна, хотя и не очень полна. В "железном арсенале" НТС имеются такие фокусы, о которых без документов в руках и писать трудно. Но ограничимся характеристикой, данной НТС Р. Абрамовичем. По этой характеристике солидаристы являются ясно выраженной тоталитарной партией. А товарищи Р. Абрамовича по социалистической партии входят в заговор с тоталитарной партией с единственной мыслимой целью: путем опоры на какие-то доллары обойти с тыла всю остальную российскую эмиграцию, эмиграцию по самому своему существу демократическую, демократическую и по своему личному составу и по своим политическим убеждениям.

Народно-Монархическое движение сознательно избегает термина "демократическое" по той простой причине, что этот термин не обозначает ничего. Вот одни "демократы", нацеливающиеся на социалистическую диктатуру, входят в заговор с другими тоже "демократами", нацеливающимися на солидаристическую диктатуру, причем Р. Абрамович ставил вопрос и о сталинской "демократии", напоминая о том, как эта "демократия" методами "треста" и "внутренней линии" проникла в историю русской эмиграции. Этот намек был сделан по адресу того же НТС. Намек не помешал: Б. Николаевский и др. предпочли иметь дело с тоталитарной партией и отменили участие нетоталитарных.

Из всего этого, конечно, ничего не выйдет. Пока "русская акция" пресмыкается где-то в передней какого-то чина какой-то разведки — могут быть всякие фокусы. Когда она подымет на поверхность общественной жизни САСШ, то нельзя же, в самом деле, предположить, чтобы САСШ, страна капиталистическая и демократическая, стала поддерживать социалистические и тоталитарные группировки. На поддержку этих группировок населением России нет вообще никаких шансов.

Но есть шансы на иное: на то, что политика бойкота, стовора и организация заговоров расчистит путь к новой — нам еще неизвестной диктатуре, которая родится из России, а никак не из эмиграции. Новая диктатура означает новые десятилетия новых гражданских войн: что тогда останется от нашей страны?

Эти перспективы, кажется, не беспокоят никого — как в 1917 году никого не беспокоила перспектива гражданских войн, голода, террора, колхозов и концлагерей. Может быть, — сейчас стоит беспокоиться на этот счет? Может быть сейчас стоит стовориться на единственно реальной базе: на принципе всенародного голосования при условии свободы мысли, печати, собраний, союзов и прочего. А там, что "мир решит". Если "мир решит" республику, я снова сбегу, да же и не в Финляндию, как это я сделал в 1934 году, а подальше. И все же не из каких-то личных догматических соображений или идеалистического антиреспубликанского порыва, а по той простой причине, что республика в России обозначает резню. Ведь давайте говорить честно: фюссен-

ский заговор это только безоружная репетиция резни. Представьте себе тот же заговор, но вооруженным с участием того же Тухачевского, Жиленкова, Власова, Краснова. Как вы думаете, что из этого получится, кроме резни? Будет и еще пять вчерашних советских генералов. За каждым из них будет стоять "своя бражка", и она будет до конца соблюдать "верность вождю", и вовсе не потому, что вождь номер первый будет лучше, чем всегда номер пятый, а просто потому, что свой вождь произведет всех своих поручиков в капитаны и всех своих полковников в генералы. Прозаические объяснения мировой истории обычно нагляднее мистических.

Очень прозаично и объяснение нашего монархизма. Мистическое объяснение дается со стороны тех монархических группировок, которые прозой говорить не могут — ибо проза обозначает просто напросто дворянские собрания со всем комплексом их идеологических и административных надстроек. Но удельный вес этих группировок равен приблизительно нулю, а их шансы в России опускаются значительно ниже нуля, это политическое *quantite negligable*. По самому своему существу монархическое движение эмиграции есть крестьянское движение. И не только по "идеологии", но и по большинству своего "личного состава". Будучи крестьянским, оно не может быть антидемократическим. Восстановление монархии против "воли народа" и политически бессмысленно и технически невозможно. Только очень немногие из безнадежно застарелых генералов, ставших монархистами на самой старости эмигрантских своих лет, могут мечтать о "белом коне", да и этот конь никогда монархическим не был.

Не следует принимать всерьез "Песнь о Вещем Олеге" и думать, что кости белого коня могут представлять какую бы то ни было опасность для кого бы то ни было в мире. Не следует думать, что монархическое движение России можно так же легко скинуть с исторических счетов, как его выкинули из какой то контрразведочной передней. И не нужно приписывать ему — как это делает г. Н. Иргизов, коварных замыслов: было, и не один раз сказано, что нам необходимо объединение всех антисоветских организаций эмиграции, без деления на овец и козлиц, был предложен принцип свободного волеизъявления народа, — и в ответ на это — переговоры, стоворы, заговоры, передние, доллары и в конечном счете — скандал.

Мы, монархисты-реалисты, действительно стоим за свободу слова и прочего; было бы нелепым предположение, что какими бы то ни было полицейскими мероприятиями можно загнать кула то современный мировой социализм. Но, каюсь, есть и иная точка зрения: для монархической пропаганды в будущей России — легальной или даже нелегальной (нелегальная будет сильнее) Р. Абрамович — незаменим: если бы его не было, его надо было бы выдумать. Достаточно будет сказать массовому русскому избирателю: вот только что ты, избиратель, да и то не своими силами, отделался от социализма Маркса и Ленина — а вот на тебя уже наваливается социализм Маркса и Абрамовича, — хочешь попробовать еще раз? Р. Абрамович может убеждать Б. Николаевского и Б. Николаевского — Р. Абрамовича в том, что Юрий Милославский в издании РСДРП(м) это не то, что Юрий Милославский в изда-

нии РСДРП(б), но сто миллионов избирателей России убедить в этом не будет никакой возможности. Это такая же утопия, как и дворянские собрания. Но, вот, солидаристы с их опорой на советский актив, — это уж не совсем утопия. И Р. Абрамович очень уж оптимистичен, говоря "бодливой корове Бог рог не дает". Зачем же Б. Николаевский счел нужным стовориваться с безрогой коровой? Солидаризм есть открытая дверь для будущей гражданской войны, войны, в которой победит некто третий — не Абрамович, но и не Байдалаков.

Позвольте суммировать это затянувшееся письмо. Его основной смысл сводится к тому, что на завтра после "национальной революции" или, говоря проще, свержения советской власти вооруженным Западом — перед Россией встанет перспектива новой гражданской войны или даже новых гражданских войн. И "национальных" в стиле Бендеры, и "социальных" в стиле Байдалакова и атаманских в стиле Махно. В своих "трех пунктах" я сказал и об единственной реальной гарантии против этих войн: об оккупационных войсках или властях (США. Пункт об этих гарантиях вызвал нечто вроде прононциаменто в нашем движении: мы, де, сами с усами. По поводу усов у меня достаточно "политического опыта": люди с усами практически не выходят из состояния гражданской войны вот уже больше тридцати лет. Если ктонибудь укажет на иную гарантию — я буду очень рад, я ее не вижу.

Следовательно — есть единственный разумный путь: путь честного стовора на основах антикоммунизма, на роного голосования, гарантии свободы этого голосования — и отказа от попыток обмануть американское общественное мнение и тридцатью тысячами подпольных курьеров Байдалакова, и безграмотными листовками Чухнова, и утверждениями, что в совершенно иных географических, политических, климатических, этнографических, психологических и каких хотите еще условиях России — в ней может быть воспроизведен государственный строй САСШ. Он не может быть воспроизведен. Сейчас солидаристы так же подлизываются к САСШ, как совсем недавно подлизывались к Гитлеру. Мы, монархисты, не занимаемся по адресу Гитлера и не занимаемся по адресу САСШ. И мы хотели бы напомнить всей русской эмиграции не только об общности нашей ближайшей политической цели: свержения большевизма, но и об общности дальнейших личных интересов: как бы нам всем не испытать всего того, что мы уже один раз испытали от ликования в феврале 1917 года через торжественные заседания в Таврическом и Зимнем дворцах — к концлагерям, подвалам, бегству и передним очередным контрразведкам.

Иван Солоневич.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА "НАШЕЙ СТРАНЫ"

Аргентина — 1.50 песо; САСШ — 25 ам. цент.; Канада — 25 кан. цент.; Бразилия — 4 круз.; Венесуэла — 0.75 бол.; Уругвай — 30 ур. цент.; Парагвай — 1.30 гуарани; Чили — 8 чил. песо; Англия — 1 шилл.; Франция — 50 фр.; Бельгия — 8 бельг. фр.; Швейцария — 75 сант.; Германия — 75 пфен.; Иран — 8 риал; Австралия — 1 ш. 3 п
В остальных странах — приблизительно из расчета 25 ам. центов.
Объявления о розысках — 1 долл.

Политическая хроника

МИТРОПОЛИТ АНАСТАСИЙ

Первоиерарх Русской Православной Церкви за границей митрополит Анастасий, который в ноябре 1950 года прибыл из Европы в Соединенные Штаты и живет с тех пор в Новой Коренной Пустыне около гор. Махопака, переезжает в ближайшее время в Нью Йорк, где для Синода Русской Православной Церкви Заграницей приобретен дом.

ПЕРЕМЕНЫ В РОВС

В связи с исполнившимся 80-летием генерала А. П. Архангельского, который состоит с 1938 года председателем РОВС-а, в возглавлении этой организации наступит перемена. Генерал Архангельский отказался от звания председателя РОВС и передал свои полномочия своему первому заместителю, генералу А. А. фон Лампе, постоянно проживающему в Париже.

Новый председатель РОВС — кадровый офицер Лейб-Гвардии Семеновского полка. Он окончил академию генерального штаба до Первой Мировой войны, в которой участвовал на командных и штабных должностях. В гражданской войне был близким сотрудником генерала Врангеля и его представителем в Дании и Венгрии.

После окончания гражданской войны жил в Берлине, где был сначала начальником отдела РОВС в Германии, а затем — председателем Объединения Русских Воинских Союзов в Германии и в странах, занятых германскими войсками.

В 1945 году организовал представительство Российского Общества Красного Креста в Линдау, которое имело большое значение в деле спасения новых русских эмигрантов от принудительной репатриации. По требованию большевиков, был арестован французами и заключен в тюрьму. После освобождения из тюрьмы выехал из Германии во Францию, где был назначен первым заместителем председателя РОВС.

Недавно, вместе с ген. Архангельским, подписал соглашение, заключенное между РОВС, Высшим Монархическим Советом и Власовским Объединением в Мюнхене.

РУССКИЙ СЪЕЗД В НЬЮ ЙОРКЕ

По сообщению газеты “Россия” в Нью Йорке состоится 12-го апреля съезд, созываемый Российским Антикоммунистическим Центром. Организаторы этого съезда предполагают предложить съезду замену ныне существующего Российского Антикоммунистического Центра новой организацией — Российским Национальным Комитетом. По замыслу организаторов съезда, этот Комитет должен противопоставить себя той организации, которую создает Американский Комитет Освобождения Народов России.

ПЕРЕПИСКА “НЬЮ ЛИДЕРА” С ГЛАЗКОВЫМ

Американский социалистический еженедельник “Нью Лидер”, в сентябре 1951 г., назвал лидера “казакий-

цев” Василия Глазкова агентом нескольких иностранных разведок.

Глазков прислал редакции “Нью Лидер” письмо, которое этот журнал напечатал 3-го марта 1952 года. В этом письме Глазков опровергает утверждение “Нью Лидера” и заявляет, что он никогда не состоял на какой-либо разведывательной службе. По словам Глазкова, он всегда служил только “казацкой нации, которая ныне находится под игом Москвы”. Глазков утверждает, что он был избран “председателем верховного казачьего представительства в изгнании” и что в этом избрании участвовали “представители различных казачьих политических партий”. Ссылаясь на русских историков, Глазков утверждает, что казаки составляют отдельный народ, который в 1917 году “провозгласил свою независимость и защищал ее в течение трех лет”.

“Нью Лидер” сопроводил письмо Глазкова комментарием, подписанным сотрудником этого журнала Фредом Форрестом. Американский журналист советует Глазкову ознакомиться с мнением подавляющего большинства казаков о существовании казачьей “нации”. Форрест делает краткий исторический обзор возникновения казачества и пишет, что, следуя за Глазковым, нужно было бы признать отдельной нацией тех американцев, которые переселились из Бостона в другие части Америки. По мнению Форреста, лучше не входить в рассмотрение того, кто и как “избрал” Глазкова председателем “верховного казачьего представительства”. Вопреки утверждению Глазкова, Форрест настаивает на том, что сведения о со-

трудничестве Глазкова с иностранными разведками были получены “Нью Лидером” из совершенно достоверного источника.

АМЕРИКАНЦЫ НА КИПРЕ

Американский еженедельник “Тайм” сообщает:

Соединенные Штаты делают из Северной Африки шаг величиной в тысячу миль через Средиземное море для того, чтобы приблизить свои воздушные базы к России. По соглашению с Англией, воздушные силы Соединенных Штатов примут в свое ведение прежнюю базу британских воздушных сил в Тимбу, на Кипре, в нескольких милях к юго-востоку от Никозии, столицы острова. Три тысячи рабочих перестроят базу для использования ее американскими бомбовозами, которые окажутся на расстоянии только 600 миль от черноморских портов России, менее чем в 1000 милях от Бакинской нефти, от Донецкого угля и от Днепропетровской электрической энергии.

ЧИТАЙТЕ И РАСПРОСТРАНЯЙТЕ “НАШУ СТРАНУ”.

“НАША СТРАНА” существует исключительно благодаря аккуратности в расчетах с редакцией ее представителей и подписчиков.

Мы очень просим г. г. подписчиков не только не запаздывать со взносом их подписной платы, но и ВСЕГДА вносить ее за несколько номеров ВПЕРЕД! Это значительно облегчит затруднения материального характера, с которыми связан выпуск каждого номера!

этот “последний и решительный” можно было довольно просто и даже бескровно ликвидировать силами русских Ди-Пи, — теперь, вероятно, придется ухлопать лишних несколько миллионов людей. И это при том условии, что военный потенциал демократий относится к военному потенциалу СССР примерно, как пять к одному. А, может быть, и как десять к одному. Или: что в 1945 году СССР можно было ликвидировать так же легко, как Третий Райх в 1933, или даже в 1939 году. Но даже в вопросах жизни и смерти САСШ действуют теми методами, которые я определил бы термином — канализационные методы политики.

Эти методы технически возможны только в исключительно благоприятных геополитических условиях — Россия живет в исключительно неблагоприятных. Попробуем сконструировать некую географическую утопию: представим себе, что САСШ не отделены от Батыя, Вильгельма, Гитлера, а теперь — Сталина, никакими океанами и проливами, и что граница между САСШ и СССР проходит по линии современной американско-канадской границы. Совершенно очевидно, что при такой географии Сталин разгромил бы САСШ в течение двух-трех недель. И что, следовательно, перед САСШ стоял бы выбор — если бы для этого выбора и было бы время: — или найти совершенно и новую форму политического строя или просто погибнуть.

Мне могут возразить: но ведь есть европейские и, кроме того, маленькие страны, которые являются чисто демократическими и, ничего, живут. И даже не плохо живут. В качестве классически удачных примеров можно привести республиканскую Швейцарию и монархическую Швецию. В качестве неудачных — республиканскую Францию, которая с полной очевидностью разваливается и извне и изнутри. Можно было бы сказать, что Германия Вильгельма, построенная примерно на той же “конституции”, на какой была построена Россия после 1905 года, семимильными шагами шла к мировой хозяйственной, политической и даже культурной гегемонии. Словом, примеры могут быть довольно разнообразными. За всеми этими примерами имеется одно и основное явление: войны, которые вела Европа, не были войнами на жизнь или на смерть. На жизнь или смерть Европа воевала против гуннов и потом — и

турную часть. Одно время это почти удалось Риму. В настоящее время имеется два и только два конкурента: Россия и англо-саксонский мир. И сейчас, как и всегда, имеется три и только три варианта для “мира всего мира”: диктатура, монархия и республика. Наполеон, Гитлер и Сталин шли путями диктатуры, Америка и Англия идут путями республики, Россия шла путем монархии. Сейчас силы англо-саксонского мира, вероятно, превышают силы России. И на некоторый исторический период мировые процессы будут решать САСШ. Во внешне-политическом отношении революция уже отбросила нас лет на двести назад. Контр-революция отбросит еще лет на сто. По всему ходу событий можно надеяться на то, что лет этак в пятьдесят после контр-революции, — мы наверстаем все три столетия, как мы это проделали после Смутного Времени. Но в данный момент оценивая прошлые и нынешние попытки построения империй, мы обязаны судить их “без гнева и пристрастия” — без гнева по адресу конкурентов и без пристрастия — по своему собственному. Просто: как, когда и почему удавалось, как, когда и почему не удавалось?

Польская попытка сейчас кажется нам несерьезной. В 16 веке она была очень серьезна. Франция очень долгое время держала свое знамя самого передового отряда человеческой культуры, и другими “миссиями” не занималась почти вовсе. Свои колониальные владения она разбазарила быстро и довольно беззаботно, попытки построения “нового порядка” в Европе, предпринятые французской революцией и ее наследником Наполеоном I, не имели в сущности, никакого влияния на умы французского народа. С 1789 до 1917 год Франция видела свою миссию в революции: именно она была передовым отрядом “свободы, равенства и братства”, выраженных в Робеспьере, Марате и Торрезе. Сейчас и за этим угнаться довольно трудно. Какой-нибудь Марат мог действительно греметь во всей философически и революционно настроенной Европе, а какой-нибудь Торрез только и может делать, что плясать под сталинскую дудку. Победа революции при Наполеоне означала бы превращение России в колонию. Победа в сущности той же революционной линии при Сталине означает превращение Франции в вассала Политбюро. Два раза в своей истории Германия проявила истинно чудовищное напряжение

Проф. М. В. Зызыкин

К столетию со дня смерти Н. В. Гоголя

Гоголь и Царская Власть

6

Гоголь всегда продолжал смотреть на царскую власть, как на творческую и движущую силу истории.

Свой сатирический талант он обратил не против власти верховной (которую он всегда отличал от правительств), а на служебное ей подвластное, которое являлось средостением между ней и народом может ее компрометировать. Концепция власти Гоголя остается всегда религиозная. Государь — образ Божий на земле. Служить ему значит служить самому Богу. Чиновник в мундире, это священник в ризе. В "Мертвых Душах" чиновничество — нарост на стволе верховной власти, они вредны для нее, ее компрометируют, ибо действуют ее именем, но сама верховная власть совершенна.

Главная забота введения начал любви в жизнь лежит на генерал-губернаторе, этом временном представителе Государя Императора на местах. Для того, кто не христианин, это трудно, но для того, кто вносит Христа во все дела и во все действия свои, все легко. Это должен быть человек, который выше всякого честолюбия, которого нельзя привлечь ни орденом, ни наградой, который хотел бы порисоваться перед Европой и делать из себя историческое лицо. Генерал-губернатор должен обходиться без всякой напыщенности и входить в сношения со всеми, кто желает его видеть, держась совершенно просто

он должен входить в положение каждого высшего чиновника, в его бытовые условия, в домашней хозяйственной жизни, познакомившись с его мыслями и привычками. Христианское смирение спасет его всюду и отгонит то самомнение, которое находится у очень многих даже умных людей, которые, узнав только одну половину дела, уже думают, что знают все, и могут опрометчиво действовать. Гоголь входит в подробности и учит, что надо присмотреться к душе каждого, а узнать душу человека может только тот, кто начал работать над своей душой, над собственными недостатками. Душу и душу надо знать теперь и без этого вы не сможете сделать ничего. Прежде всего надо думать всегда о действии внутреннем, как следует: "о сем помните прежде; говорит Спаситель, а ей все вам приложится". Всяду может произойти неправда, в самом губернаторе могут завестись грехи. Надо быть для всех отцом.

Есть еще подвиг для генерал-губернатора: законы собственно гражданские выступили из пределов и ворвались в области им не принадлежащие. Они ворвались в отношения должностовавшие всегда оставаться под управлением церкви. За церковью всегда должно быть утверждено то, что вечно ей принадлежит. Он должен содействовать к водворению церкви в некоторых частях жизни русского человека: примером собственной власти и самими мерами не принудительными и не насильственными. Он

должен позаботиться не о том, кого любить, а смотреть за тем, чтобы его любили другие. Кто требует платежа за любовь, тот подл и далеко не христианин. О как благодарен я за то, что еще с детства вселил в меня Бог непонятное мне самому чувство, бежать от всяких неуместных излияний, даже родственных и дружеских, как от чего то приторного и неприятного. Как это верно, что полная любовь не должна принадлежать никому на земле, она должна быть передаваема по начальству, и всякий начальник, как только заметит ее устремление к себе, должен в ту же минуту обращать ее к поставленному над ним высшему начальству, чтобы таким образом добралась она до своего законного источника, и передай бы ее торжественно в виду всех всеми любимым царю самому Богу".

"Итак, пишет Гоголь в "Авторской исповеди": после долгих лет и трудов, опытов и размышлений я пришел к тому, о чем уже помышлял во время моих действий, что назначение человека — служба и вся наша жизнь есть служба. Не забывать только надо то, что взять место в земном государстве надо только затем, чтоб в нем служить Государю Небесному и потому иметь в виду Его закон. Только так служба можно угодить Государю, народу и земле своей, и Гоголь сам видел в своей литературной деятельности род государственной службы и не болезненным переворотом мысли Гоголь пришел к такому заключению, а всегда держался этого откровенности своей, как лично доказывал Тургеневу в октябре 51 года за четыре месяца до смерти своими "Арабесками".

В любви Государя к своему народу видел главную его функцию Гоголь*). Гоголь был истинным царистом. Своей литературной деятельностью он считал себя призванным содействовать царю, как христианскому идеалу творческой власти. И он воображал, себя в роли опекуна народной совести, в роли посредника между царем и народом, как царь посредник между народом и Богом. Заключительный монолог генерал-губернатора во втором томе "Мертвых Душ" есть повторение остолбняющего финала "Ревизора". Генерал-губернатор уже только поучает по собственным рассуждениям из "Переписки с друзьями", то добродетельными поучениями откупщика Муразова. Так грозный жандарм "Ревизора" превратился через 15 лет в красноречивого генерал-губернатора, грозящего военным судом. Но как проникновенно чутко понимал значение царской власти для России Гоголь, что это есть основная сила России, что это единственная удерживающая сила, ниже которой хаос повелится и как проникновенно он понимал значение сплетни в русской общественной жизни, которая добравшись из среды провинциального дворянства до великосветских салонов Петербургского общества**), сломала в XX веке самую царскую власть. Чорт добрался, наконец, до основной силы России: ведь царизм представлялся народу в виде некоего мистического целого, он приписывал

*) Придавая царю богословское значение в русском православии.

***) См. "Красный Архив" и "Дневник" В. М. Пуришкевича.

всех своих сил — в Первую и во Вторую Мировую войны — и оба раза закончились истинно чудовищными катастрофами, что, впрочем, не совсем исключает и третьего раза.

В числе прочих вещей, о которых историки нам или не говорили вовсе или говорили путано и воровато, имеется и тот факт, что Россия является старейшим национальным государством Европы: в середине 9-го века Киев говорил о своей исторической роли в тех же формулировках, как и Петербург начала 20-го. Основные линии исторического развития за эти одиннадцать веков остались теми же. Основные политические идеи, изложенные в наших первых летописных списках сейчас повторяются даже и Сталиным. Одиннадцать веков тому назад каким то таинственным или странным образом, где-то между Финским заливом и Черным морем, внезапно возникла государственность в принципиально готовом виде. А так как таких скоростных явлений в истории не бывает, — то мы могли бы предположить, что ДО Рюрика с его сундуками, какая-то государственность, или идея государственности, уже существовали на Великом Водном Пути. Но о ней мы, вероятно, не узнаем никогда и ничего.

Если из истории Киевской Руси выкинуть кашу князей и изгоев, половцев и печенегов, борьбы за "киевский стол", или походов на предмет выколачивания дани, то перед нами станет очень простая и изумительно ясная схема построения русской государственности — схема, которой нация придерживалась одиннадцать веков. Были "влипания", были катастрофы, были трагические провалы, но в общем страна тянулась к своей схеме — доминанте, линии, инстинкту, — как хотите, — и из каждого провала снова выкарабкивалась в своей прежней, старой, веками испытанной, схеме.

Я вовсе не хочу утверждать, что эта схема является наилучшей из мыслимых, возможных или даже существующих. Очень большое количество всяких схем уже отошло в вечность. Но, например, вопрос о преимуществах русской и английской схем — история уже решила. Однако, совершенно очевидным является то обстоятельство, что как только Россия отходила от своей схемы — не получалось ровным счетом ничего, кроме провалов и катастроф. Нация как-то повторяет пути индивидуального развития: эллины строили искусство, римляне строи-

ков, города, — все это отгорожено друг от друга невероятной законодательной неразберихой, целыми горами пергаментов, грамот, договоров, кодексов, конституций и прочего. И все это, в сущности, имело только одну объективную цель: разорвать "общее благо" в клочки частновладельческих интересов. Если бы Киевская Русь повторила европейские пути, то на ее месте, когда-нибудь, и может быть, выросла бы какая-то государственность. Но, может быть, и до нынешних времен не выросло бы никакой.

* * *

Валы, засеки, сторожки, остроги, станицы и прочее и прочее являются одним из самых важных явлений во всей русской истории. Они были вызваны известными историческими условиями, для постройки их нашлись известные психологические данные и все это вместе взятое обусловило рождение той исторической формы правления, какой нигде больше в мире не было и нет и которая называется "самодержавие", то есть совершенно своеобразное сочетание начал авторитета и демократии, принуждения и свободы, централизации и самоуправления. Одно из самых изумительных явлений в истории русской историографии заключается в том, что она проворонила, ухитрилась проворонить или предпочла проворонить самые очевидные вещи в нашей истории.

Поставим вопрос так: Северо-Американские Соединенные Штаты есть ли более типичная демократия нынешнего времени. САСШ имеют объективную возможность целый год мусолить плана Маршала. В тот момент, когда я еще раз переписываю эту главу — январь 1948 года, — я еще не знаю, что из этого плана выйдет. Вероятно, не выйдет ни два ни полтора: он пройдет — но пройдет с запозданием. Деньги будут даны — но в урезанном виде. Представители рязанской психологии в САСШ будут говорить: "до нас, кентуккийских, он не дойдет".

Принимая во внимание чудовищный перевес количественных, материальных и прочих сил на стороне демократий, можно сказать, что вся эта канитель в конечном счете решающего значения иметь не будет. Просто: сейчас будет сэкономлено миллиардов десять, потом придется ухлопать лишних миллиардов двести. Года три тому назад (в 1945 г.) весь

царю и его министрам внутреннюю добродетель, собственный динамизм, род магической власти для управления, для исправления злоупотреблений, производства реформ; ради своего монарха народ совершал подвиги героизма и самопожертвований. Царь, — глава великой Империи, покровитель церкви, помазанник Божий — живой образ Христа на земле. Без царизма нет России, без самодержавия и православия есть только анархия и революция. Царизм способен к эволюции и на протяжении истории перевоплощался не раз, вплоть до царизма 1905 года. Революция же в России способна только к разрушению, ибо образованный класс представлял меньшинство без оружия, без политического опыта, без контакта с массами. Народ русский самый послушный, когда им повелевает его историческая власть во имя справедливости, но он не выработал в себе способности к самоуправлению. С ослаблением власти народ впадает в анархию, с уничтожением царизма уничтожается сама Россия и превращается в СССР, ибо к несчастью царизм не выработал никаких механизмов контроля, ни автономных единиц никаких социальных группировок, никакой легальной или традиционной организации общественной воли, оставалась одна бюрократия и с падением ее все рухнуло. Если б царизм не был уничтожен, то революция приняла бы совершенно иные формы. Совершилась бы только эволюция в царизме, который приобрел бы новые формы в соответствии с эпохой. Но роковая ложь, или вернее клевета "измены" нашла себе выход. Слово "измена"

сделало карьеру и сплетня явилась опять орудием чорта. Провинциальное дворянство под обаянием Хлестаковской лжи ввергнуто было в ошибку, а положительными деловыми рассуждениями Чичикова было увлечено к потворству его стремлению к легкой наживе и в обоих случаях оно было спасено благодатным воздействием царской власти. В 1916 году чорт захлестнул самый царский трон и погубил его руками собственных слуг царя.

Гоголь оказался не только пророком революции, говоря о Титан-богатыре, победившем на русской равнине, но и дал прообраз действия клеветы в русской революции.

Не прошло и 65 лет со смерти Гоголя, как разразилась страшнейшая в истории драма, в которой слышны старые русские гоголевские мотивы: чорт свивший себе гнездо сплетен в Петербургских великосветских салонах (см. "Красный Архив" и "Дневник" В. М. Пуришкевича), дал реальное воплощение в лидере оппозиции Государственной Думы Милюкове, подтолкнув его на речь о глупости или измене, в основе которых лежали, как говорил он сам в Муравьевской следственной комиссии о злоупотреблениях Царского режима, сведения из швейцарских споров эмиграции 1916 года (!!!) или из Венской газеты "Нейе Фрейе Прессе" "об устраиваемом яко бы Государыней Александрой Федоровной со Штюрмером и Распутинным, сепаратном мире ("Падение Царского режима", официальное издание временного правительства, том 6-ой, стр. 137-140). Эта речь 1 ноября 1916 года положила начало революции по утверждению Набокова

и других левых лидеров. В предисловии к отдельному оттиску речи Милюкова, изданному Временным Правительством Керенского, сказано: "С высоты Думской Трибуны было названо впервые имя Царицы и предъявлено Царскому Правительству тяжкое обвинение в национальной измене. Испытанный вождь оппозиции П. Н. Милюков тщательно подготовил материал (!) для всенародного разоблачения закулисной работы партии Царицы Александры и Штюрмера и перед лицом всего мира разорвал завесу, скрывавшую немецкую лабораторию сепаратного мира". Сплетня эта опровергнута самым решительным образом как противниками, так и союзниками. Так, генерал Людендорф в качестве генерал-квартирмейстера германских армий знал доподлинно о всех разговорах, которые вели или пытались вести германские вожди. Однако он пишет в своих мемуарах: "Не могло быть и речи о какой либо хотя бы самой отдаленной вероятности переговоров со Штюрмером, также как и о самой слабой попытке в том же направлении с его стороны. Никто не верил в возможность мира с Россией". У Черчилль пишет: "Россия пала подобно Ироду, пожираемому червями, засевшими внутри организма, когда победа была уже в ее руках... Россия перенесла шторм: пароход потонул близ заветной гавани..." Опровергается эта сплетня и сэрром Бернардом Персом, историком русской литературы в Лондонском университете, не раз проводившим лето в Петербурге и близким к дворцовым сферам. Он указывает на психологическую противостоительность переговоров со стороны Императрицы

Александры Федоровны. Сама Гессенская Принцесса, она ненавидела и Вильгельма Второго и Пруссию. Будучи строгого викторианского воспитания, она отрицательно относилась к распущенности петербургского общества и этим вызвала нелюбовь к себе".

Все же сплетня сделала свое дело и, по сообщению генерала Деникина, в армии громко, не стесняясь ни временем, ни местом, говорили об измене Царицы и эта сплетня определила отношение армии к Династии и Революции. С. С. Ольденбург пишет во втором томе своего "Царствования Императора Николая Второго": "Пущенная молва в народе и Армии гласила: Член Думы Милюков доказал, что Царица и Штюрмер предадут Россию Императору Вильгельму Второму". А Мельгунов, народный социалист, пишет в своей книге: "На путях к дворцовому перевороту": "Никто не мог предполагать, что у Милюкова в сущности никаких материалов не было, что речь его была переполнена сплетнями".

Ставши вдали от церковных понятий, русское общество не выработало в себе противоядия сплетне, и понеслась Русь неизвестно куда — в пропасть. Сплетня была создана роковым словом — измена — сделавшим себе карьеру, подобно сплетне о ревизоре в "Ревизоре".

Так Гоголь написал комедию на тему о воображаемом городе, захваченном сплетней, возникшей неизвестно где и когда с воображаемым Хлестаковым и с воображаемым Чичиковым, а потом настало время для уже невоображаемого действия сплетни, под влиянием слов совершенно реаль-

ных ценностей. Но там, где накопление ценностей не играет решающей роли, там жизнь организована, по формулировке моего сына, "без применения умственных способностей".

Очень много зависит, конечно, от навыков. У нас есть бани, в Германии и в Европе их нет. Немецкий мужик моется в лоханке, — кое-как и для очистки не столько тела, сколько совести. Он не купается вовсе. Когда мы с сыном в 1932 году вздумали купаться в горной речке Чу за озером Иссык-Куль — окрестные киргизы съезжались табунами, глазеть на сумасшедших русских, которые ни с того, ни с сего лезут в воду. Почти так же глазели на нас немецкие мужики в Баварии, Мекленбурге, Померании и Нижней Саксонии: вот, взрослые люди, а полощутся в воде, как дети. Но это, может быть, вопрос "быта". Перейдем к вопросу о затрате умственных способностей.

На Невском проспекте дома номерованы так: с одной стороны четные, с другой — нечетные. В каждом доме номерованы все квартиры. Над каждым подъездом — дощечка с номерами всех квартир. У главного подъезда — доска с номерами всех квартир и именами всех жильцов и прочее. На каждом доме номер на фонаре — видно и днем и ночью.

На Кляйштрассе в Берлине дома номерованы так: с одной стороны от 1 до 200, с другой от 200 до 400. Вы входите на Кляйштрассе, где то посередине, и вы не знаете — где же, собственно, находится № 185. Он может быть в двух верстах справа от вас и может быть в двух верстах слева от вас. То-есть, по одной стороне Кляйштрассе номерация может кончатся номером 200-м, но может и номером 150-м. Потом вы находите дом. Квартиры не номерованы. Вы ищете дворника. Если вы его нашли, то он вам пространно и дотошно объяснит: "рехтс, линкс унд герадеаус". Вы идете. Вы поднимаетесь на пятый или шестой этаж, чтобы там обнаружить — ах, так это не тот подъезд. Сейчас номерация домов перестраивается по русскому образцу. Но для номерация квартир догадки еще не хватало.

Это разумеется, мелочь. Но именно она дает ответ на вопрос не о богатстве, накоплении капиталов и машин, а об организационных способностях в их, так сказать, химически чистом виде. Организация, вообще говоря, тем лучше, чем она проще. Организационная сторона Европы средних веков была чудовищно сложна: феоды, привилегии, цехи, таможи, цер-

ли империи. Из государственности у эллинов не вышло ничего, из искусства у римлян не вышло ничего. Объяснять все это географическими условиями Пелопонесского или Аппенинского полуострова было бы очевидной глупостью. Точно такой же, как попытки объяснить дарования Ломоносова его архангельским происхождением, или Толстого — его тульским. Каждому — свое...

Киевская государственность рождается в каком-то, я бы сказал, подозрительно готовом виде: сразу. Основная черта ее схемы — это умение ужиться. Эту черту можно и оценить, или даже понять, только при сравнении с первыми шагами других государственных организаций мира. Рим — долго, упорно и беспощадно давил все окружающие его племена. Разделял, чтобы властвовать, устанавливая иерархию патрициев и плебеев, римских граждан и союзников — граждан разных разрядов, — как это делала и Германия Гитлера. Рождение всякой европейской государственности связано с долгим периодом резни, в результате которой возникает "первый среди равных", некий "а я вас всех давишь", и устанавливает абсолютизм. Классический и уже законченный пример — это Франция Людовика XI. Из кровавой каши вековых феодальных войн возникает сильнейший, навязывающий свою волю остальным.

В Киеве какие-то древляне и поляне, торки и берендеи, варяги и финны — уживаются без всякой, или почти без всякой резни. Представьте себе Великий Водный Путь где-нибудь в Европе: сколько одних "заградительных отрядов" было бы посажено на этом пути? Сколько торчало бы замков, "Раубриттеров" — рыцарей разбойников, какими пергаментами ограждал бы свое право на пошлины и прочее каждый феодал, который в Европе возникал на каждом перекрестке каждого торгового пути? Мы привыкли учитывать влияние существовавших явлений истории. Попробуем представить себе влияние несуществовавших. Той войны всех против всех, которая была так характерна для Европы этих веков, на Руси или почти не было, или не было вовсе. Религиозных войн не было вовсе. Если бы организационная сторона русской государственности равнялась бы современной ей западно-европейской, то России просто не существовало бы: она не смогла бы выдержать.

ного Милюкова об измене, создавших атмосферу для исковского отречения и екатеринбургского заключения. Покачнулась вера в идею священной монархии, подкопанной клеветой, свалившей в грязь царское имя.

.....
 "Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка несешься? Дымится под тобою дорога, гремят мосты, все отстает и остается позади. Остановился пораженный Божиим чудом созерцатель: не молния ли это сброшенная с неба? Что значит это наводящее ужас движение и что за неведомая сила заключена в сих неведомых светом конях. Эх, кони, что за кони! Вихри ли сидят в Ваших гривах, чуткое ли ухо горит во всякой вашей жилке. Заслышали с вышины знакомую песню — дружно и разом напрягли медные груди и почти не тронув копытами земли, превратились в одни вытянутые линии, летящие по воздуху. И мчится вся вдохновенная Богом!... Русь, куда же несешься Ты, дай ответ. Не дает ответа. Чудным звоном заливаются колокольчики, гремятся и становятся ветром разорванный в куски воздух; летит мимо все, что ни есть на земле и косясь постараниваются и дают ей дорогу другие народы и государства".

Таков был финал гоголевской поэмы. Не это ли грозное предчувствие страшной катастрофы для России было причиной так называемого "сумасшествия" Гоголя и его трагической кончины???

Проф. М. В. Зызынин.

**ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ НА
"НАШУ СТРАНУ"**

Борис Башилов

Морлоки или русские люди?

5

Как бы ни был плох строй нормально организованного государства, но в случае революции его административный аппарат неизбежно становится еще хуже, поскольку к революционной власти примазывается всякая дрянь, вся нравственная чернь, которая имеется в стране. Так произошло и в России.

Между партиями (морлоками) и огромной массой беспартийных существует непримиримая рознь. Эта вражда останется и после падения большевизма. Но какое моральное право имеет Леонид Галич считать морлоками почти весь наш народ? Да, М. Коряков хорошо знает психологию партийных морлоков, потому что он сам из числа их. Именно поэтому он с такой легкостью меняет своих хозяев. Между прочим, в эмиграции наблюдается чрезвычайно характерное явление. Большинство партийных морлоков из числа бывших коммунистов идут на службу к левым. На страницах "Нового Русского Слова" подвизается целая плеяда бывших партийцев.

***

Теория о советских особых людях ни к чему хорошему привести не может.

Конечно, современное поколение в России резко отличается от дореволюционного и по их характеру и по воззрениям и по манерам. Но ведь за 35

лет сильно изменилось бы и молодое поколение старой России, если бы она существовала. Тот, кто выехал бы из России в 1917 году, даже если бы не было революции, и вернулся бы в Россию в 1952-м, тоже наверняка бы увидел огромные перемены в характере и мировоззрении молодого поколения.

Пока я жил в России я был гораздо худшего мнения о моральном уровне среднего русского человека. Но после того, как я побывал в десяти странах Европы и Америки, я могу смело утверждать, что русский народ блестяще выдержал испытание. Если отбросить два, три миллиона партийных морлоков и искалеченных нравственно большевизмом беспартийных, то надо сказать, что народ наш гораздо менее морально разложился, чем некоторые народы Европы, не знавшие большевизма.

***

Я думаю, что современный житель США, зараженный материализмом, гораздо более похож на морлока, чем средний современный русский человек. Процент преступлений в современной Америке несравненно выше, чем в современной России. Если в России преступный элемент морально опустошенных людей сосредоточен главным образом в большевистских организациях, то в США мы имеем мощные преступные тресты, открыто действующие на глазах всей страны. Семья в настоящее время в России гораздо более устойчива, чем в Ев-

ропе и Америке. Такого процента разводов, как в США современная Россия не знает. Ведь это факт, засвидетельствованный американской военной администрацией в Германии, что русские Ди-Пи давали наименьший процент преступности среди Ди-Пи других национальностей. Ведь немцы сами свидетельствовали, что русская современная девушка в половом отношении гораздо более целомудренна, чем европейская девушка.

***

В течение четырех лет, я изо дня в день читаю "Новое Русское Слово" и на основании фактов, которые я узнал из этой газеты об американских нравах, я уверен, что американский народ в массе в настоящее время духовно разложился гораздо больше, чем русский народ в целом. Количество же партийных морлоков, которые есть в современной России, надо думать, с лихвой уравнивается членами преступных трестов, бесчисленными гангстерами, наркоманами, американскими коммунистами и сотрудниками пятой коммунистической колонны открыто разлагающей Америку.

***

Пишу я это все о моральном падении нравов США вовсе не с радостью, а с грустью и тревогой. Как было бы хорошо, если бы моральная атмосфера в США была бы намного лучше, чем в современной России, благодаря наличию там большевизма. Ведь если бы культурный и моральный уровень среднего американца был выше, чем средний уровень современного русского, насколько бы увереннее мы могли бы смотреть вперед.

Россия падала в те эпохи, когда русские организационные принципы подвергались перестройке на западно-европейский лад: удельные наследники Ярослава Мудрого привели к разгрому Киевскую Русь, отсутствие центральной власти привело к Татарскому игу, Петровская европеизация привела к крепостному праву, ленинское "догнать и перегнать" — к советскому.

Организация Киевской, и Московской Руси в их лучшие времена была, в сущности, элементарно проста. Можно было бы сказать: гениально проста. Это была организация единства во имя общего блага: лозунг, который красовался и на знаменах Гитлера и из которого не вышло и ничего. "Общее благо — перед частным". Но в немецком представлении общее благо есть гигантский пирог и если я чуть-чуть завоюю, то от этого общего блага на мою долю не останется ни крошки. Все сразу накидываются на пирог — и от него ни крошки не достается никому.

Об организационных способностях русского народа я говорил в первой главе этой книги. Хочу повторить еще раз: в этом вопросе, как и в очень многих других, русское общественное сознание было переполнено безнадежной путаницей понятий и терминов. Опоздание сибирского экспресса на три часа вызывало скулеж: "вот — наша русская безалаберность, — то ли дело у наших соседей немцев!" У наших соседей немцев экспресс обслуживает максимум тысячу верст плотно населенной местности, — наши экспрессы покрывали и пять и восемь тысяч верст — по тайге, по пустыням, по заносам, разливам и всяким таким достопримечательностям наших просторов. Но когда в Германии выпадает снег на пять сантиметров больше обычного — немецкие экспрессы опаздывают не хуже, чем опаздывали наши. Мы привыкли думать — или нас приучили думать, — что, что уж что, а организация быта, повседневной жизни, "мелочей быта", в Европе поставлена неизмеримо лучше нашей. Что:

"Англичанин мудрец,
 Чтоб работе помочь
 За машиной придумал машину.
 А наш русский мужик,
 Коль работать не в мочь,
 Запеваёт родную дубину".

Некрасов не сообразил того обстоятельства, что для "машины" нужны деньги, для денег нужно "накопление", и что накопление без Батыев, Карлов, Наполеонов и Гитлеров идет совершенно иными темпами, чем в их присутствии. Кроме того, Некрасов, вероятно, не знал, как не знал и я, что, например, первая паровая машина действительно была изобретена русским Ползуновым — и что она работала на Алтайских промыслах за двадцать лет до Уатта и Стивенсона. Об этом писала советская пресса — и я ей не поверил. Потом это подтвердила и немецкая пресса, — вероятно, ей можно поверить. Но, вообще говоря, техническое вооружение народного хозяйства — в особенности крестьянского — в России было неизмеримо ниже немецкого. Электрическая плита, трактор (собственный!) — обычное явление в немецком хозяйстве. Автомобиль — тоже собственный — не является редкостью. Не нужно, правда, забывать и того обстоятельства, что немецкий бауэр и русский крестьянин — есть два р а з л и ч н ы х социально-экономических и культурно-психологических типа. Немецкий бауэр — в русском переводе будет означать мелкого помещика, или, в худшем случае, крупного "кулака". У него дом в пять-шесть комнат, участок в 50-60 десятин, земельная "рента" раз в пять выше русской (равномерный климат, близость рынков сбыта, и пр.), и что все это было достигнуто, в частности, путем беспощадного вытеснения безземельного или малоземельного крестьянства в заокеанскую эмиграцию. Немецкого мужика со времени тридцатилетней войны не жег никто. Даже обе Мировые войны или очень мало заделали его или, может быть, только укрепили его материальное благополучие: он выплачивал свои долги в обесцененной марке и продавал свое масло на черном рынке. В годы Второй Мировой он ел хуже, чем в мирное время, но он накапливал больше. После этой войны трактор стоил сорок фунтов масла. Сейчас же после войны для этого трактора шин не было, — но шины когда-то будут, а трактор за это время не сгниет. Но за время этой же войны — от русского крестьянского хозяйства на всем юге и западе России не осталось вообще ничего.

То, что мы называем организацией европейского хозяйства, — а американского еще больше, — есть результат многовекового и почти беспредельного накопления материаль-

Современное же состояние нравов в США настолько грустно, что заставляет чрезвычайно пессимистически смотреть на США как на серьезного противника в борьбе с большевизмом. В духовном и политическом отношении Америка находится сейчас в гораздо более худшем положении, чем Россия накануне первой мировой войны. Америка в настоящее время совершенно не готова к войне с советами. Не готова психологически и морально.

***

Если бы М. Коряков не был сам морлоком, а Леонид Галич, А. Сергеев и другие не защищали морлоцкую точку зрения, то они бы увидели, что даже в условиях большевизма наш народ находится на более высоком моральном уровне, чем другие страны.

Ужас положения заключается в том, что те, кто могли бы спасти наш народ, находящийся во власти партийных морлоков, находятся сейчас на низком моральном уровне и давно перестали быть христианами. Прежде, чем спасать кого-то, они должны сначала духовно спастись сами. Но смогут ли США быстро излечиться от того духовного и политического маразма в котором они находятся?

***

После того, как мы постарались выяснить вопрос о том, кто живет в нынешней России, морлоки или русские люди, коснемся другого чрезвычайно интересного вопроса о культурном уровне нынешней русской интеллигенции, живущей под властью большевиков. Имеет ли основание широко распространенное мнение о чрезвычайно низком культурном уровне всей русской интеллигенции. Я думаю, что эти мысли имеют под собой столь же мало основания, как и мнение о том, что все в России стали морлоками.

Действительно ли после того, как русская эмиграция, старая и новая, покинула Россию, после того, как уехал из нее сначала Леонид Галич, а потом к нему присоединился Михаил Коряков, Россия превратилась в страну морлоков. Конечно нет. Это воззрение на современную Россию как на пустое место столь же неверно, как и взгляд на дореволюционную Россию как на пустое место. Причем эти два неверных и нелепых взгляда очень тесно связаны между собой. Ведь если дореволюционная Россия была дика и невежественна, то за 35 лет невозможно, несмотря ни на какие старания сделать страну хотя бы более или менее культурной. Но с другой стороны, если старая дореволюционная Россия не была столь отсталой страной, как изображают ее на страницах “прогрессивных органов”, вроде “Родины”, то совершенно ясно, что несмотря на все старания большевиков они не в силах были разрушить итоги работы предшествующих поколений.

***

И, к счастью, это так и есть.

Да, конечно, если бы “старая тюрьма народов” продолжала существовать до сих пор, то в настоящий момент Россия была бы столь же индустриальной страной, как США, и конечно несравненно более культурной чем США. Нынешняя Россия тридцать пять лет находящаяся под властью большевиков, конечно, не смогла достичь тех результатов, которых она достигла бы, если бы не было революции. Только тот, кто не знает русского народа, может считать, что за 35 лет он совершенно ничего не сделал бы в культурном отношении. Приятное самолюбование русской эмиграции вера ее в то, что она является единственной носительницей культуры русского народа, не имеет

под собой достаточно основательного фундамента. Это приятное самообольщение ничего ей в будущем, кроме оторочения, не принесет.

***

Инженеров дореволюционного времени в России во много раз больше, чем за рубежом. Врачей, адвокатов, ученых разных специальностей, получивших образование еще до революции, несмотря на жесточайшее преследование, в России тоже живет больше, чем за границей. Кроме сохранившейся дореволюционной интеллигенции в России выросла новая интеллигенция. Не полунинтеллигенция, которой в стране гораздо больше, чем было в старое время, а настоящая квалифицированная интеллигенция. От старой интеллигенции “прогрессивного типа” она отличается большей целостностью, отсутствием достоевщины и социального утопизма.

Не будь советской власти, эти люди, имея более разнообразный ассортимент книг, имея возможность выезжать за границу, были бы еще более развиты, но и так, они не менее культурны, чем средний итальянский, французский или немецкий специалист.

Несколько лет назад председатель Торговой Палаты Соединенных Штатов, кажется Джонсон, после пребывания в России, заявил, что теоретический уровень русского инженера выше теоретического уровня американского инженера, но в смысле практическом, американский инженер стоит впереди. Последнее вполне понятно, потому, что русский инженер не имеет возможности так свободно проявлять инициативу, как его американский собрат. В стране построены сотни крупных заводов, значит их кто то строил. Современный театр и балет по своему уровню не ниже довоенного. Изобразительные искусства и ли-

тература, конечно, переживают сильнейший кризис. Но этот кризис обусловлен не тем, что нет талантливых мастеров, а тем, что эти люди не могут проявить себя. Люди пишут, рисуют не то, что они хотели бы, а то, что им приказывают.

***

Если бы нынешние русские писатели и поэты, художники и музыканты получили бы возможность творить свободно, то уровень современной русской литературы, поэзии и живописи был бы гораздо выше, чем в любой европейской стране. В этом мы убедимся после падения большевизма.

***

Я вполне согласен с точкой зрения известного английского писателя Д. Б. Пристли, который в журнале “Коллиерс” пишет: “Я все же возлагаю все надежды свои на этих славян и пророчествую о них сейчас и в будущем, что в последнюю четверть этого века русские романы, драма, музыка слепают своим блеском весь мир и явятся источником его наслаждения, как они проделали это сотню лет тому назад”.

Впрочем, по мнению Пристли будущее принадлежит не почитателям прогрессивных этикеток, не западникам, а неославянофилам.

В данном случае Пристли едва ли ошибается. У него, англичанина, гораздо более развито чувство реального и нет никакого чувства злобы к современному русскому народу. За годы большевизма истреблено много талантливых людей. Но жив еще дух великого народа. И тот, кто судит о потенциальных творческих возможностях нынешней России по советской литературе, по советскому изобразительному искусству, тот впадает в ошибочные выводы.

(Продолжение следует).

Б. Башилов.

Глеб Томилин

Д В Е С И Л Ы

Роман.

Отец Петр почему-то посмотрел назад, на горы.

— Дело в том, дорогой ты мой Степка, что через перевалы сейчас уже, пожалуй, и не пройти. Как эти люди сюда попали? И кто они?

Степку тоже охватило какое-то беспокойство.

— Это, действительно, нужно посмотреть. Степка наклонился над лужницей, потом вернулся на несколько десятков шагов назад, потом прошел вперед и, вернувшись к отцу Петру, уверенным тоном доложил:

— Так и есть — два китайца, один русский. Один китаец — здоровый мужик — следы глубокие, шаги широкие, груз, надо полагать, большой несет. Другой — так себе — плюгавый. Русский — чорт его знает. Должно быть, старый и городской. Ходит не по нашему, носки врозь. Поедем следом — дальше видно будет.

— Когда, по твоему, они прошли здесь?

— Вчера вечером, — уверенно сказал Степка. — Лед по пал следами. Если бы позавчера, следы бы размыло. Вчера вечером, никак не иначе. Значит, скоро наедем на ихний вчерашний привал. Тут по этим следам больше ничего не разобрать.

Сойот был, повидимому, вполне согласен со степкиными выводами.

— Три люди, — еще раз подтвердил

он. — Два китайский люди, один русский люди: Русский люди — слабый люди. Старый люди.

Отец Петр еще раз посмотрел на горы.

— Еремей Павлович говорил мне, что через перевал больше пройти нельзя, что ваш караван прошел последним. Да после перевала еще и пурга была?

— И еще какая — страсть!

— Та-ак. Значит, пришли люди неизвестно откуда и идут неизвестно куда. Пойдем день по следам. Через день тропа расходится, одна идет дальше через займку Еремея Павловича — по ней редко кто ходит, другая сворачивает направо — на Китай. Посмотрим. Может, люди прямо на Китай идут. Через перевалы можно сейчас пройти? — спросил отец Петр сойота.

Сойот отрицательно замотал головой:

— Птица лети, люди никак не ходи. Русский люди — слабый, никак не ходи. — Он попытался что-то еще объяснить по-русски, но запас его русских слов оказался исчерпанным.

— Никак не ходи, — еще раз подтвердил он.

Отец Петр сказал ему несколько слов по-сойотски. Сойот взял свою берданку быстрыми шагами прошел вперед и исчез за поворотом тропы.

— Ну, а теперь мы за ним, — сказал отец Петр, минут через пять. — Только пешком. И смотреть в оба.

Еще верстах в двух-трех, на тропе стоял сойот и ждал отца Петра со Стенкой. Когда те подошли, сойот молча показал на остатки ночлега. Валились на земле срубленные ветки елей, чернело кострище. Стенка сейчас же пощупал рукой золу и головешки.

— Совсем недавно прошли, земля под кострищем еще теплая.

— Русский люди — большой люди, — сказал сойот.

— Это действительно, — подтвердил Стенка, — ишь какую ему кровать устроили...

Под густой елью лежала целая куча срубленных еловых лап и с трех сторон она была утыкана другими лапами.

— Прямо, как в гостинице, — сказал Стенка, — барином можно спать.

Отец Петр внимательно осматривал место ночлега. Стенка, нагнувшись, исследовал глазами каждый клочок.

— Русский без винтовки, — сказал он, — у китайцев — по винтовке. А китаец один — действительно здоров, как бык — гляньте, как он эту елку рубанул... А это что? — Стенка поднял с земли около “кровати” какой-то темно-коричневый кусочек. — Табачком пахнет, а что это — невдомек.

Темно-коричневый кусочек оказался окурком сигары. Отец Петр осмотрел его, понюхал, размял в пальцах и снова понюхал.

— А сигара хорошая.

— Что это — сигара?

— А так, вроде самокрутки. Только

подороже. — Вид у отца Петра стал совсем задумчивым.

— Ну, давайте осмотрим все по настоящему, может быть, и еще кое-что найдется. А эта сигара плохо пахнет.

— Что, табак плохой?

— Не в табаке дело... Как мог попасть сюда человек, который имеет возможность курить такие сигары.

— Из начальства, значит, что ли?

— Да, Степка, из начальства. И даже из большого начальства.

— Так чего же ему тут, в тайге, надо?

— А вот в том то и вопрос. А ответа на этот вопрос пока нет никакого.

— Хм, — сказал Степка, надо еще посмотреть.

Степка мелкими шагами обошел всю стоянку, тщательно всматриваясь в каждый ее квадратный сантиметр. Потом обошел место вокруг стоянки. Потом нагнулся над опрокинутым ложем таинственного русского, курившего в тайге сигару. Потом стал на колени перед этим ложем и начал снимать с него ветку за веткой. Все это заняло около получаса. Отец Петр сидел в это время на земле, обхватив руками ползатые к груди колени, и о чем-то глубоко задумавшись. Закончив свой осмотр, Степка подошел к отцу Петру.

— Дело тут темное, отец Петр. Этот русский всю ночь курил — видите, сколько окурков. — На степкиной лачени белело около дюжины до половинки локуренных папирос.

— Покажи сюда, — сказал отец Петр. — Хорошие папиросы, дорогие,

LYDIA NORD

CARTA ABIERTA A VYSCHINSKY

(Continuación)

Nosotros — los nuevos emigrantes — no dudamos que cuando Vd. en sus discursos nos llama "hermanos" y "hermanas", lamentándose de nuestra desdicha de estar sin "patria", lo hace especulando con la opinión mundial a la cual quiere atraer a su causa, pero descontando de antemano nuestra reprobación.

Vd. no es tan ingenuo como para no saber que ni palabras dulces, ni promesas de futuras felicidades, pueden atraernos nuevamente a la U.R.S.S.; que somos sus enemigos declarados, como todo el pueblo ruso al cual solamente por la fuerza y el terror, Vds. dominan y explotan.

Le creemos, eso sí, que Vd. desea intensamente nuestro regreso a la U.R.S.S. Lógicamente esto facilitaría el trabajo de la NKVD. No hará falta en este caso cazarnos y matarnos uno por uno. Todos juntos es más sencillo, más fácil y principalmente más cómodo porque todo se arreglaría en los sótanos de la NKVD sin ninguna publicidad.

Nosotros somos una catarata en el ojo del régimen soviético y Vd. hace todos los esfuerzos posibles para quitársela.

En 1945, el Politburó ya sabía, que de los millones de ciudadanos soviéticos que cayeron como prisioneros o que fueron deportados por los alemanes, regresarían voluntariamente a la U.R.S.S. muy pequeña cantidad.

La mayoría abrumadora salió de Alemania para radicarse en distintos países, y con toda seguridad contarán la verdad sobre la

vida en la Unión Soviética y la mentira de la propaganda oficial.

Por eso Stalin se apresuró en firmar el convenio con los aliados, para repatriación forzada de los ciudadanos soviéticos.

Pero sabiendo que la repatriación iba a provocar una resistencia y temiendo que la opinión de todo el mundo pudiera volverse de nuestra parte, Vd. se apuró en proclamar que: "sólo los criminales se negarán a volver a la patria".

Los aliados le creyeron y trataron de cumplir honestamente el convenio. Y qué pasó? La gente se suicidaba, se ahorcaba, se cortaba las venas, se saltaba de los trenes a los abismos, se quemaba viva, porque prefería la muerte a la vuelta a la "Patria". Los sucesos sangrientos de Lienz, Dachau y Plattingen, los conoce Vd. Señor Vyschinsky, tan bien, como todo el mundo.

Los aliados nos mandaban a los campos de concentración para repatriados por medio de tanques y puntas de bayonetas, pero nosotros a pesar de todo conseguíamos escapar a veces. Los representantes de las comisiones de repatriación nos cazaban por las calles con lazos, nos cargaban en coches y nos llevaban allá, de donde nadie podía regresar con vida.

Teníamos miedo de salir a la calle durante el día; nos escondíamos en bosques y montañas. Hambrientos y desesperados pedíamos a los campesinos alemanes y austríacos que nos escondieran en altillos y galpones!

Benditos sean los que nos ayudaron a salvarnos!

и докурены только до половины — к широкой жизни привык человек.

— Это мне неизвестно, — сказал Степка. — А только от веток этих и до сих пор водкой несет. Водкой, не водкой, а несет. Значит, было выпито, — Степка при этом слегка покашлялся на отца Петра. — Ружья у русского нету. А пистолет, должно быть, есть, — под головой лежал, по веткам видно. Не таежный он, этот русский, городской. Тыкал, дурак, окурки на хвою. Этак можно и живьем стореть — особенно, ежели напимшись. А китайцы-то за ним, как за баринном, ухаживали, одеялом, должно быть, накрывали, болел человек, что ли?

— Если бы был болен, то не курил бы целую ночь...

— И то правда.

Отец Петр поднялся на ноги. — Не нравится мне, Степка, вся эта история. Думаю, это какой-то советский дядя, из крупных дядей. А что ему тут делать? За границу бежать? Тоже может быть, хотя для этого есть пути покороче.

— Ну, и чорт с ним, пусть бежит.

— А если за ним погоня?

— Ну, и за нами гонялись... Нужно бы, конечно, вернуться по тропе, так на полдень хода, не идет ли кто следом?

— Ну, напорешься на отряд и пропадешь!

— Ну, отец Петр, в тайге дураков нету. — кто же пойдет навстречу? Я поеду рядом с тропой и посмотрю издали — нет следов, есть следы, какие следы?

Отец Петр постоял и подумал.

— Нет, так не выйдет. Лучше иначе. Тут тропа делает петлю, а моя пещера в середине петли. Петлю эту пешком и на карачках можно срезать — это верст в десятке отсюда. Я тебе покажу. Что ты тут, на стоянке, еще нашел.

— Ну, ничего. Консервы русский ел, — китайцам не дал, те свою чумизу лопали.

— Какие консервы.

— А кто его знает! Там вот две корочки валяются.

— Нужно все это еще раз рассмотреть. Отец Петр со Степкой еще раз обошли и стоянку и место вокруг нее. В кустах валялись две пустые жестянки. Этикетки гласили: "Осетрина в томате Моссельпром".

— Не да, — сказал отец Петр, — если человек такие сигары курит и такие консервы ест — значит, шинка. Ну, пошли, Степка, дальше, тут и в самом деле ничего больше не видать.

— Только я, отец Петр, пойду теперь вперед. Софот — тот на зверя хорош, в звере он понимает, а насчет человека — куда ему?

Маленький караван двинулся дальше. Степка с отцом Петром шли впереди, софот вел коней. Степка от времени до времени давал свои комментарии:

— Ну, этот русский не больно ходок. Вот, опять передышку делал, — оч сидел, китайцы даже и не присели. Ну и холит по тайге, как по плитуву, — шатается... Должно быть старый человек — вот тут через лужу пе-

СРЕДИ НОВЫХ КНИГ.

Б. Ш.

Документ
„оттуда“

Трудно сказать, чего больше в этой книге, лирики или публицистики. Сочетание этих литературных жанров очень редко встречается и еще реже удаётся авторам, но Р. Н. Александрову удалось их слить гармонично и без натяжек в его книге "Письма к неизвестному другу". Ему помогла глубокая искренность, которую проникнута вся эта книга.

Р. Н. Александров родился в 1911 году в Петербурге и умер "новым" эмигрантом в 1947 году. Он представитель "октябрьского" поколения, пришедшего на смену злосчастному "февральскому". Более того, мне думается, что он и его братья, один из немногих, кто смог и успел вырваться из всесоюзного подвала торжествующего социализма, вырваться и крикнуть о мертвой петле, захлестнутой на горле русской молодежи этим самым социализмом, о накопленном в ней протесте против него, о той переоценке идей и своего отношения к ним, которая происходит сейчас в сознании, как его, так и последующих поколений.

Автор "Писем к неизвестному другу" был при жизни своей солидаристом, но нам, монархистам, это абсолютно не важно. Не важно это, мне кажется, было и ему, так как содержание его книги-исповеди далеко, очень далеко выходит за рамки программы НТС.

Важно другое, то, что вся сверхмощная принудительная марксизма и диамата не смогла подавить в нем свободной критической мысли, воли к сопротивлению штампам, и глубокой любви к своей родине и ее народу. Важно то, что Р. Александров, рожденный в 1911 году, не может быть одиноким среди своих сверстников, что лишь случай (как и всем нам, "новым") дал ему возможность сказать то, о чем принуждены молчать другие, но что они тоже чувствуют, осмысливают и переживают — об их отталкивании от лже-прогрессизма предшествовавшего им поколения, об искании иных путей, пролегающих из подлинно русской культуры духа. Нашел их Р. Александров или нет? Спорить об этом не будем. Ясно лишь, что искал он их пламенно и упорно. Так ищут их и другие, "там", скрыто, но упорно. А если ищут — так найдут!

Книга Р. Александрова ценна и в другом отношении. Обширная, глубокая, разнохарактерная эрудиция, легкость мысли, способность критически ее оперировать — все это послужит достойным ответом "прогрессивным зубрам", твердящим о "низком культурном и умственном уровне" подсоветской русской молодежи, выросшей вне их монополюбно-благотворного влияния.

Б. Ш.

решагнуть бы, а он кругом обошел. А китаец один — зда-аровый, сукин сын, форменный бык. Другой, видимо, мальченка еще, — суется куда не надо... Вот, опять устал и присел, папиросу выкурил, окурка нет, а пепел видно. Может, и папирос-то немного осталось...

(Продолжение следует).

"НАША СТРАНА"
ПРЕДСТАВИТЕЛИ
AMERICA DEL SUR:

Paraguay: Tijonovich, Calle Montevideo 496 — Asunción.

Brasil: Leo Rubanoff, Caixa postal 10657 Bras. Sao Paulo.

Venezuela: Sr. K. Kellner, Tunel Santa Iñes, Villa Niña, Ap. 2, Caracas.

Chile: Sr. Nicolás Rogalev, Allende Padin 2128 (por Beaucheff altura 1705), Santiago de Chile.

U. S. A.:

Mrs. M. S. Kingstone, 11 Wolfe ave. San Rafael, Calif. USA.

Mr. A. Klushkin, 2765 1/2 Mac Allister str., San Francisco 18, Calif.

Mr. Paul Likhodey, 551 West 178 Str., New York, 33, N. Y.

Mr. M. Maltzoff, 1332 Lucille Ave, Los Angeles 26, Calif.

CANADA

Mr. G. Malysheff, 1530 W 7 Ave. Vancouver B. C.

EUROPE:

Germany: Brit. Zone. Th. Seuberlich, Wolfsburg k. Gifhorn, Postfach 63.

Francia: Mr. A. Krivocheieff, "Kama", 27, rue de Villiers, Neuilly s/Seine, Seine.

Belgique: Librairie et Bibliotheque Slave — 13, Rue de Roumanie, Bruxelles

Italia: Sr. Prof. B. Sciriaeov. Campo AMP Pagani (Salerno)

ASIE:

Iran: Leon Popoff, 273, Ave Ferdowsi, Teheran.

AUSTRALIA:

Mr. Parker. 8 Queen Bess Str. Buranda. Brisbane.

Mr. Domansky, 329, Catherine Street Leichhardt, Sydney (N. S. W.)

Mr. P. Ostashkevich, Woodside Immigration, Centr. Camp., S. Australia.

"НАША СТРАНА"

в Буэнос-Айресе продается: в киоске г. Вербицкого — при Храме Воскресения Христова (Вижа Пуэйрредон), в киоске г. Ряснянского — Облигадо 2150, в книжном магазине братьев Лашкевич ул. Леандро Алем 1140 и у газетчиков на углу Леандро Алем и Виамонте и Леандро Алем и Сармиенто. На Вижа Бажестер — у инж. Василькиоти, при церкви на ав. Альвар.

"НАША СТРАНА" — газета, которую НАДО ЧИТАТЬ номер за номером! Во избежание перебоев в получении газеты у перепродавцов — подписывайтесь на нее у наших представителей или непосредственно в редакции!

ИВАН СОЛОНЕВИЧ

НАРОДНАЯ МОНАРХИЯ
Часть II — Дух Народа.

вышла отдельным изданием и поступила в продажу у представителей "Нашей Страны" и в лучших книжных магазинах Зарубежья.

Цена: ам. долл. 1.50 или соответствующая сумма в другой валюте.

РОЗЫСКИ

Разыскиваю дядю, Михаила ДЕРИ-ГЛАЗОВА, уроженца гор. Курска. В последний раз видела его в лагере Кипчевск в Германии в 1945 году. Лиц, что либо о нем знающих, прошу сообщить в редакцию "Нашей Страны".

Прошу откликнуться лиц, окончивших Сувалкскую мужскую гимназию, выпусков 1911 и 1912 г. г.

Писать по адресу Редакции "Нашей Страны". Для Р.

Imprenta "Dorrego", Dorrego 1102 - Bs. Aires